

Должно ли детство быть счастливым?

ЕКАТЕРИНА
МУРАШОВА

«Самокат» для родителей

Екатерина Мурашова

**Должно ли детство
быть счастливым?**

«Самокат»

2017

Мурашова Е. В.

Должно ли детство быть счастливым? / Е. В. Мурашова — «Самокат», 2017 — («Самокат» для родителей)

ISBN 978-5-91759-676-1

Мальчик и его невидимый дракон, идеальный отец, табасаранская семья и женщина, которая не хочет иметь детей... Мест для встречи у этих персонажей, согласитесь, немного, одно из них – коридор городской детской поликлиники, где ведет прием известный петербургский психолог Екатерина Мурашова. А в свободное от бесед с родителями, детьми и бабушками время Мурашова ведет блог о своей работе на портале журнала «Сноб» и вот уже много лет пишет книжки для больших и маленьких. Перед вами – новый сборник случаев из ее практики: особенные кадры из жизни обычных необычных семей, столкнувшихся с совершенно разными проблемами, пути решения которых у каждого – свои. И каждый читатель найдет здесь что-то для себя: того самого дракона, несколько почти детективных историй и даже инструкцию по созданию эмпатической кормушки для птиц – с иллюстрациями.

ISBN 978-5-91759-676-1

© Мурашова Е. В., 2017

© Самокат, 2017

Содержание

Дракон	5
Скелеты на стол!	9
Проект «Гэмфри»	12
История любви	15
Беглец	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Екатерина Мурашова

Должно ли детство быть счастливым?

Дракон

– В целом мой сын Федор – совершенно обычный ребенок. Умный, спокойный, с хорошим чувством юмора. С ним легко договориться. Учится без троек в хорошей гимназии. У нас нет ни малейших проблем с приготовлением уроков: он сам их делает и приходит ко мне или к старшему брату, если что-то не понимает или сомневается в своем решении. Из внешкольных занятий Федор уже четыре года поет в хоре мальчиков, у него не очень сильный, но красивый дискант. Когда не болеет, ходит в бассейн. Плавает прекрасно, как рыбка. У него есть друзья и хорошие приятели – в школе, в хоре; еще есть один мальчик, с которым Федор дружит с детского сада, сейчас они учатся в разных школах, но по-прежнему ходят друг к другу в гости, катаются на роликах и иногда играют в футбол на площадке у нас во дворе...

«Федя, Федя, съел медведя!» – вспомнила я детскую дразнилку и подавила зевоту. Все это было прекрасно, но вряд ли она пришла ко мне рассказать об успехах своего сына.

– Что же вас сейчас беспокоит? – спросила я, послушав еще немного.

– Меня беспокоит дракон, – тут же четко сформулировала она.

Это было сильное заявление, учитывая, что исходило оно от зрелой годами женщины с прекрасной литературной речью и внешностью университетского профессора.

Если дракон реально беспокоит его мать, у Федора действительно могут быть значительные проблемы.

– Расскажите, пожалуйста, о вашем драконе подробнее, – вежливо попросила я.

– Это не мой дракон, это Федин дракон, – сообщила она.

– Замечательно. – Я испытала отчетливое облегчение. – Тогда расскажите подробнее о Федине драконе. Когда он появился на сцене?

Впервые о драконе семья услышала, когда Феде было около трех лет. Причем как-то подразумевалось, что дракон был и раньше, просто мальчик не мог о нем внятно рассказать.

– Маленькие дети часто выдумывают себе несуществующих друзей, фантастических помощников, – заметила я.

– Да, разумеется, мы знали об этом, – согласилась женщина. – И поэтому тогда фактически не обратили на это почти никакого внимания. Ну, дракон и дракон, даже мило и забавно.

– Что Федя делал со своим драконом?

– Да собственно, ничего. Он у него просто был. Иногда он на нем летал, конечно.

«Куда летал? Как летал? Когда?» – я едва удержалась от этих вопросов. Никогда и никогда трехлетний ребенок на несуществующем драконе не летал. Это просто детские фантазии. Точка.

– Потом у Феде очень обострилась астма, которую ему поставили в полтора года, мы несколько раз лежали в больнице, один раз – в реанимации: лечение, обследования, реабилитация, закаливание, профилактика – как-то нам было не до драконов.

– Понятно, – кивнула я.

– Где-то лет в пять ситуация более-менее стабилизировалась и мы впервые пошли в садик. Федя в своей возрастной группе был самый мелкий и, пожалуй, самый хлипкий. Он родился недоношенным, да еще эта астма... Мы очень боялись, что его будут обижать – слабенький, да еще избалованный, конечно, сами понимаете, поздний ребенок, часто и тяжело болеющий. Мы все тогда над ним тряслись: мать, отец, старший брат, тетя, две бабушки...

Я даже предупредила воспитательниц, просила их приглядеть и сразу мне сообщить, если дети начнут его обижать. Но наши опасения оказались напрасными – единственной сади-ковской проблемой оставались болезни: он цеплял практически любую инфекцию, но при этом как-то необыкновенно стойко и оптимистично все переносил. С ребятами отношения сложились хорошие: они Федю любили, радовались откровенно, когда он выздоравливал и снова приходил в группу. И тогда же снова возник дракон – дети захлеб рассказывали о нем дома своим родителям. Родители пересказывали нам со странными улыбками: вы знаете, что у вашего сына... Есть дракон. Знаем. В курсе. Мы тоже улыбались, но улыбки были уже слегка натянутыми. Дело в том, что дети в группе ему верили, и это было как эпидемия: у других детей тоже стали появляться свои драконы, там даже возникло что-то вроде общества... Мы пытались с ним поговорить: Федя, есть сказки, и есть реальная жизнь... Он слушал внимательно, а потом спрашивал: так вы ходите, чтобы я никому не говорил, что у меня есть дракон?..

Так вот. Сейчас Федору одиннадцать. Ситуация находится на том же самом месте. Отец устранился в самом прямом смысле: два года назад у него случился роман с аспиранткой и он ушел из семьи. (Я боялась, как это отразится на Феде, потому что он очень любит отца. По счастью, не отразилось практически никак, по крайней мере с виду.) Старший Федин брат – взрослый человек и живет своей жизнью. В конце прошлого года учительница (у нас с ней были очень хорошие, доверительные отношения) напрямую сказала мне: «Для заморыша, который в любом коллективе ровесников всегда слабее всех и годами задышался в самом прямом смысле, ваш Федя как-то поразительно полноценен, адекватен и уравновешен. Но этот его неумирающий, всем известный дракон как-то уже тревожен... Обратите внимание...» И вот я решила обратиться за помощью к специалисту.

– Мне нужно поговорить с самим Федей, – сказала я.

– Да, разумеется, – согласилась мать. – И вот еще что. Я всех своих опросила, и все (включая старшего сына и даже мужнину аспирантку) сказали одно и то же: были моменты, когда они верили, что этот дракон **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО СУЩЕСТВУЕТ**.

* * *

Одиннадцатилетний Федя выглядел лет на восемь-девять. Тем больше контраст – речь практически взрослого человека. В общем-то, ничего удивительного: в семье четыре преподавателя высшей школы, с мальчиком всегда много занимались и разговаривали.

– Как зовут твоего дракона?

– Дракон. Сокращенно Драня.

– А какого он цвета?

– Белого с серебром. Это неудобно, конечно, потому что быстро пачкается, зато в небе незаметно, люди принимают его за большую чайку или облачко. Впрочем, люди в городе редко смотрят на небо.

– Сколько Дране лет?

– Столько же, сколько мне. – Федя пожал плечами – вероятно, с его точки зрения, это какая-то очевидная категория.

– А где он живет?

– Ну вообще-то основное Дранино жилье в Ловозерских тундрах. Там у него пещера с сокровищами.

– О! У Драни есть сокровища?!

– Да, конечно, – Федя улыбнулся. – Для дракона занять пещеру с сокровищами – это что-то вроде инициации... такой атрибут, вроде как черный наряд у готов или большая

машина у начальника... через нее они себя в каком-то смысле осознают... Но у драконов всегда много лежек. Драня может в любом недостроенном доме устроиться, на верхнем этаже.

– А что он ест?

– Он охотится, конечно, как любой хищник. Но иногда ворует жареное мясо или рыбу – они ему очень нравятся. Еще любит арбузы. Их тоже ворует, когда сезон.

– Где ворует?

– Ну, пикники, загородные рестораны, уличные продавцы – все такое. Вы же понимаете, редко кто потом расскажет, что мясо или арбузы украл белый дракон...

– А что вы делаете вместе?

– Разговариваем. Летаем. Играем. Смеемся. Еще мне нравится вместе с Драней нырять – там вокруг такие серебряные пузырьки и шум в ушах, как будто звенят сто колокольчиков разом. Да и вообще: представьте, как это здорово, если тебя ВСЕГДА понимают...

Я чувствовала некоторую растерянность. А вы бы на моем месте не чувствовали?

– Федя, скажи, – осторожно начала я. – А ты понимаешь, что твой дракон – это вроде Супермена или, там, Человека-паука? Герой, талантливо сделанный литературный персонаж? Или он для тебя – как реальная собачка Шарамыжка, которая у меня дома живет (кстати, она, когда подстрижена, весьма на дракончика похожа), – его можно физически погладить, почесать, поиграть с ним?

– Ни то ни другое, – спокойно ответил Федя. – Мой дракон – не литературный персонаж и не домашнее животное. Он Дракон, – мальчик улыбнулся и подмигнул мне. – И вы это на самом деле знаете. Только сами себе не признаётесь.

– Что именно я знаю? – уточнила я. – Что драконы существуют в реальности?

– Вы знаете, что такое драконы, – безмятежно утвердил Федя.

– Допустим, знаю, но забыла. Или не могу сформулировать. Ты, как драконовладелец, можешь мне подсказать?

– Я не владею Драконом или владею им в той же степени, в которой он владеет мной... Глядите! Сейчас я покажу вам красный квадрат! – Мальчик выкинул вперед ладошку, на которой лежал красный пластиковый квадратик.

– И что? При чем тут...?

– Посмотрите на него внимательно. Форма.

– Это не квадрат. Это ромб.

– То-то и оно! Мы почти все и почти всегда видим то, что готовились увидеть. То, что нам сказали. Вот как я вам сказал: сейчас будет квадрат – и вы его и увидели.

– Изящно, признаю. Но где же...

– Вы живете в мире без своих драконов, потому что так увидели, потому что согласились на это.

– А на самом деле у каждого может быть свой дракон? – догадалась я.

– Да.

– И этот дракон усиливает человека, дает ему дополнительные возможности... Или дракон – часть самого человека?

Федя молча улыбался, и я поняла, что на мои вопросы он не ответит.

* * *

– Дракон – это выращенная отдельно часть его личности, – сказала я матери. – Он ее куда-то поместил и теперь за счет нее себя усиливает, успокаивает, утешает, когда надо. Отсюда его удивляющие всех адекватность, полноценность, умение справляться с проблемами...

– Простите, пожалуйста, – вкрадчиво прервала меня мать. – А КУДА конкретно он ее поместил, вы можете мне сказать?

– Ну кто же может сказать, что до донышка и наверняка знает, как устроен наш мир? – пожала я плечами. – Я – точно не знаю.

– А что же нам-то делать?

– Да собственно, ничего. Если когда-нибудь подросший Федя выступит основателем движения «Найди своего дракона», вы честно выскажете свое к этому отношение и этим ограничитесь.

– Да уж. Мы тут недавно с бывшим мужем разговаривали (кажется, у него с аспиранткой все на спад пошло), так я его спросила: ну и чего же ты хочешь-то, в конце концов? А он подумал-подумал и говорит: вообще-то я все чаще размышляю о том, что мне бы не помешал дракон...

– Ну разумеется! А кто бы отказался! – рассмеялась я, вспоминая красный квадратик... нет, черт, конечно ромбик! – на узкой ладошке.

Скелеты на стол!

Давняя история, но от того не менее странная. Тогда я (была много моложе) всем всё уверенно объяснила и все вроде ушли удовлетворенные. Но поняла ли сама? Не уверена совсем. Теперь вот рассказываю вам, уважаемые читатели, и спрашиваю вашего мнения: что это было?

Началось с того, что позвонил психиатр, дальний знакомый с курсов повышения квалификации: Катерина, посмотрите, пожалуйста, семью. Вроде бы все там и вправду мое и надо назначать лечение, но что-то мне там...

– Помилуйте! Где я и где психиатрия с таблетками? – испугалась я.

– Так мне и нужно как раз мнение со стороны, – возразил коллега. – Семья хорошая, нормальная. Мальчик маленький, слабенький даже на вид, психофарма его совсем прихлопнет, не хотелось бы понапрасну...

Редкий на сегодня психиатр, который отрицает мировой тренд и не спешит с таблетками. На том мы и сошлись, когда вместе учились. Разумеется, я согласилась посмотреть семью.

Пришел восьмилетний мальчик Валя с папой. «Отчего ж не пришла мама, дело-то серьезное?» – сразу подумала я, но потом решила, что это сексизм с моей стороны. Почему, собственно, с сыном не может прийти отец?

Валя и вправду был бледненький, худенький, в сильных очках. Посмотрела медицинскую карточку, ожидая категории «часто болеющий». Обнаружила ровно то, что ожидала. Но впрочем, кажется, у ребенка нет ничего хронически серьезного. И на том спасибо.

– Что привело вас к психиатру? – сразу, чтобы не терять времени, спросила я.

– Валя, расскажи, – велел отец.

Валя рассказывал охотно и даже не очень сбивчиво – видно, что не в первый раз. Главный симптом: ему часто кажется, что его кто-то зовет.

– Что значит «кажется»? Ты его слышишь? Видишь? И то и другое?

– Наверное, слышу... – неуверенно. – Но вообще-то это как-то внутри.

– А он – тот, кто зовет, – чего-нибудь хочет от тебя?

– Не знаю, в том-то и дело. Я бы очень хотел знать. И сделать. Я его спрашивал.

– Он отвечает?

– Вроде и отвечает, но я не могу разобрать... Ему, кажется, грустно...

Вопрос к отцу: когда это началось?

Отвечает Валя:

– Это всегда было, с самого начала. Но я раньше думал, что это у всех так. Ну, что все с кем-то разговаривают. А потом узнал, что ни у кого больше такого нет. В прошлом году, наверное, узнал.

Отец:

– Он и всегда-то был у нас такой слабенький, мечтательный, заторможенный слегка. С младшей сестренкой не сравнить. Она в свои пять куда шустрее, шумнее и даже сильнее Вали. Впрочем, он ей всегда и всё уступает, драк, как в других семьях, у нас никогда не бывает. В первом классе учительница все это как-то спускала на тормозах. Но вот второй год школы... Она нас вызвала и тоже говорит: делайте уже что-нибудь, он то и дело куда-то «уплывает» и, конечно, программу не усваивает. Может быть, ему показано индивидуальное обучение... А тут еще и этот возник, с которым он как бы всю жизнь разговаривает... Мы просто растерялись, вы понимаете?

– Понимаю прекрасно. То есть ваша семья – это вы, бодрая младшая дочка, заторможенный Валя...

– Ну еще, естественно, мама детей, и еще с нами теща живет, помогает. С тещей у меня, если что, отношения хорошие, – улыбнулся мужчина.

– А с женой?

– Прекрасные! – ни мгновения колебания.

– Я бы хотела поговорить с вашей женой и посмотреть на младшую девочку.

Может, тормозного Валу просто «отодвинули» со всех семейных горизонтов и он придумал себе «волшебного помощника»? Но помощник получился такой же неуклюжий и невнятный, как и его создатель...

На этот раз пришла бабушка.

– А где мать? – напрямую спросила я.

– Она... это... работает...

– Ее что, судьба Вали совсем не интересует?!

– Интересует, интересует, что вы, как вы могли подумать! Она себя винит...

– Скелеты на стол! – скомандовала я.

Бабушка подчинилась с подозрительной готовностью. Валя родился не один. У него был брат – однойцовый близнец, который умер почти сразу после рождения. Причем ситуация была абсурдной: слабым и почти нежизнеспособным выглядел после рождения именно Валя. Им-то все врачи и занялись, а про большого и вроде бы здорового близнеца как бы подзабыли. И, когда он перестал дышать, спохватились не сразу, а потом уж не смогли реанимировать. А Валя выжил.

– Почему отец не сказал мне о близнеце?

– Он сам не знает.

– Как это может быть?! Вы ждали двойню и не знали об этом? Мы же не в джунглях живем!

– Дочка, конечно, знала. И я. Но она велела ему не говорить, хотела устроить сюрприз. Даже их приятеля втихую подговорила прийти к роддому с фотоаппаратом, чтобы сфотографировать мужа, когда он увидит, что ребенок-то не один...

– Сумасшедший дом.

– Да я ей тоже говорила... – бабка покаянно опустила голову. – Но разве ее переубедишь? Озорная она, и дочка вся в нее...

– Ну, а когда сюрприза не получилось...?

– Она мне позвонила и опять велела ничего ему не говорить – чего ж ему попусту расстраиваться? Я ее спросила: а ты как же? А она мне: ну а что я? Переживу как-нибудь. Бывает. Один-то ребенок все равно остался.

– И пережила?

– Да, запросто, как это ни странно. Легкий характер. Два раза в год мы с ней вдвоем на кладбище ездим, и всё. А больше и не вспоминает. Я сама в церковь хожу, свечки ставлю, она – ни разу...

– Может быть, видимость?

– Да нет, это ж моя дочка, я ее знаю. Она только вот сейчас, когда с Валею такое, занервничала. Все время меня спрашивает: мам, так он у нас что, сумасшедший, что ли? Ну никак поверить не может...

– И правильно на самом деле, – сказала я, хотя заочно мамочка не вызывала у меня ни малейшей симпатии. – Если реально хотите помочь Вале, скелет близнеца из шкафа придется достать.

– Ох! – сказала бабушка и прижала ладони к щекам. – Так вы думаете, это он его зовет?

– Не знаю, кто зовет, но близнеца актуализировать обязательно, – утвердила я.

Мы обговорили детали, и она ушла.

Я думала, что при любом обороте событий больше никого из них не увижу. Ошибалась. Прибежала та самая мамочка, любопытно блестя круглыми глазами и тряся кудряшками. Несмотря на троих рожденных детей, больше всего похожая на главную героиню из старого фильма «Девчата».

От нее я и узнала, что произошло дальше. С моим тезисом она согласилась сразу: «Если это Вале может помочь – значит, надо рассказать! Конечно!» Но страсть к безумным сюр-призам у нее, как видно, с годами и опытом не утихла: она решила отвезти сына на кладбище и именно там поведать ему о том, что у него был брат-близнец.

Валя никакого удивления от грядущей поездки не проявил; наоборот, как будто бы даже положительно заинтересовался. Поехали тайком от мужа и младшей (опять секреты!), втроем: Валя, мама и бабушка. На кладбище Валя сразу необычно для него оживился, крутил головой, как будто прислушивался или принимался, а потом споро, чуть ли не припрыгивая, побежал по боковой дорожке. «Он же туда бежит! К Ванечкиной могилке! Сам! – едва не срываясь в истерику, крикнула бабка. – Что ж это?! Останови его!»

Мать послушалась бабку. Поймала сына, усадила на ближайшую скамейку и, как умела, рассказала ему все.

Валя все выслушал, сидел на скамейке под легким кладбищенским снежком, болтал ногами, легко улыбаясь.

– Ну скажи что-нибудь! – в два голоса взмолились мать с бабкой.

– А! Так он, значит, Ваня? – кивнул Валя. – А я-то думал, это я просто свое имя плохо слышу... – и сполз со скамейки. – Ну, пошли к моему брату?

* * *

– Вы знаете, вы были правы, все намного-намного лучше стало! – радостно воскликнула мать. – У него как будто скачком сил прибавилось. Он и на уроках лучше стал, и дома оживился, и в догонялки с сестрой играет. А недавно сдачу ей дал – прикиньте, как она удивилась. Прибежала ко мне, а я ей: и поделом! Это тебе не хухры-мухры, а старший брат!

Мы решили больше к психиатру не ходить. Но я ж понять хочу, и вот хоть вы мне объясните: что ж это такое было-то? Ванечка-покойник его что, и вправду все время звал?! – Тут глаза у нее стали совсем круглые и большие, как старые пятаки. – Но как же это может быть?

– Да нет, конечно, – успокоила ее я. – Все дело в том, что горе по умершему ребенку в вашей семье было непережитым. В первую очередь это касалось вас. Вы задвинули свои чувства в дальний ящик, но они там все равно были, а Валя – эмпат, и его мозг выстраивал из этих не пережитых вами чувств и его собственного пренатального опыта (их же там было двое, и они об этом знали) смутные образы... Теперь эти образы полноценно вписались в реальность, и ему сразу стало легче в ней жить, прибавилось сил.

Меня само такое объяснение не удовлетворило бы и на пятьдесят процентов. Ее – на все сто.

– О, ну вот теперь я наконец все поняла. Спасибо вам и до свидания! Удачной вам работы. Ух, какая она у вас интересная! – И уже на пороге: – Я его тут спросила: тебе очень Ванечку жалко? А он мне, знаете, что ответил? Я прямо упала... «Мам, ведь каждый из нас, людей, – это всего лишь чье-то приключение. Ванино было очень коротким. Но остался я, и теперь мы пройдем его вместе». Во как! – она подняла указательный палец и ушла, явно гордясь смысленностью своего сына.

А я – осталась.

Проект «Гэмфри»

Странная история. Загадочная и запутанная, увлекательная и неприятная одновременно. Я услышала ее не из первых рук и потому не знаю наверняка, правдива ли она. Но вот что я вам скажу: даже если такого никогда и не было на самом деле, то его следовало выдумать. Потому что проблема, которую решают сомнительные герои этой истории, существует в самой что ни на есть реальности. И это я знаю точно.

Это был самый обычный клиент: полноватый, наполовину облысевший мужчина с отчетливыми восточными нотками в чертах лица. В мальчике востока было меньше, и я предположила, что отсутствующая в кабинете мама – русская. Говорил отец. Довольно стандартно жаловался, что сын ни с кем в школе (и где бы то ни было еще) не дружит, не умеет общаться, всех окружающих его сверстников называет придурками. Мальчик не хватает звезд с неба в плане учебы, но родители расстарались и устроили его в седьмой класс в хорошую гимназию – там умные дети из приличных семей. Увы, та же картина. «Избаловали мы его, – по-восточному картинно взмахнул руками отец. – Один сын, две старших сестры есть, бабушки, дедушки – все ему угождали... И вот...»

Я поговорила с подростком. Никаких собственных интересов, кроме компьютера, он обозначить не сумел, про одноклассников охотно подтвердил слова отца: придурки, ага.

– А кто с кем не общается: ты с ними или они с тобой?

– И так, и так.

– А ты пытался их чем-то заинтересовать? Просто выслушать?

– А зачем мне?

– Но ты вообще-то хотел бы иметь друга?

– Вообще-то да, но чтобы он меня слушал.

Я им посоветовала посетить социально-психологический тренинг для подростков (там на самом поверхностном уровне учат общаться и видеть другого человека), а также искать у парня хоть какие-то интересы, чтобы можно было поместить его в какую-нибудь группу с совместным делом. Ну и, конечно, поменьше скакать вокруг него дома.

Когда они уходили, я отчетливо видела, что ничего из того, о чем мы вроде бы договорились, семья делать не будет.

А спустя какое-то время (приблизительно год) я снова повстречала своего клиента, и он с удовольствием сообщил мне, что их проблема благополучно разрешилась, у сына появились двое друзей, с которыми он встречается и с удовольствием проводит время каждую неделю. А потом он рассказал мне о «Проекте “Гэмфри”».

– Наверное, к вам не одни мы с таким обращаемся, – сказал он. – Поэтому вам знать надо, что еще бывает.

Несмотря на озвученные альтруистические мотивы, мне показалось, что мужчине и самому хочется, важно увидеть мою реакцию на его рассказ. В чем-то он все еще сомневается. Да уж.

СПТ-тренинг их не вдохновил с самого начала. Ни на какие кружки или секции мальчик не соглашался: там те же «придурки», только еще самолетики клеят или мяч гоняют. И отец стал искать, что еще бывает, где еще учат общаться со сверстниками. И через третьи руки (не в интернете! Из дальнейшего будет понятно почему) нашел странную вещь, в которую, по его признанию, сначала и сам не очень-то поверил.

Друга или даже нескольких друзей для его мальчика ему предложили просто купить. Качество гарантируется репутацией фирмы: дети будут умные, воспитанные, чистенькие, аккуратные, хорошо учащиеся, из приличных, но, увы, бедных семей, нуждающихся в дополнительном заработке. Кроме того (и это было главным для моего знакомого), куплен-

ные друзья готовы будут во всем подыграть клиенту-ребенку (с интересами и особенностями которого их познакомят заранее), а также по возможности учесть специальные пожелания родителей (например, больше гулять на воздухе, посещать музеи и т. д.).

Поверить в такое было действительно трудно, но достойные доверия, с точки зрения отца, люди рассказали ему, что фирма под условным и нигде не афишируемым названием «Проект “Гэмфри”» существует уже много лет, с конца перестройки. Именно тогда появились первые дети и подростки, которые никогда в жизни не спускались в метро и не играли во дворе, которые не умели ни к кому приспособливаться и учитывать чужие интересы, потому что все приспособливались к ним. Но их внезапно разбогатевшие родители были обычными людьми: сами они еще недавно ездили-таки на метро и играли во дворах, и по крайней мере некоторые из них видели особенности своих детей, осознавали их как проблему и хотели ее решить.

Придумал и создал «Проект “Гэмфри”» один человек – педагог и психолог. Первых детей он набрал и обучил сам – среди своих приличных, но обнищавших в перестройку знакомых. Типичный пример, откуда брались дети: библиотекарьша, мама-одиночка с сыном. Сын мил, хорошо воспитан, хорошо учится, но даже прокормить его получается с трудом, не говоря уже о том, чтобы купить лишние брюки или игровую приставку.

– У вас будут не только какие-то деньги, но еще и (главное, может быть!) дополнительный шанс «попасть в круги», получить доступ к тому, что без этого вашему ребенку и не светило бы: кружки, образование, поездки куда-то, путешествия, – объяснял семьям основатель проекта.

– Мы будем у них как бы слуги? – спросил его один из первых участников.

– Нет, вы будете как бы компаньоны, – ответил основатель. – Старая, почтенная, архетипическая роль.

Чему он учил детей?

Это твоя работа, как у взрослых. За нее ты будешь получать деньги, но твой «друг» ни в коем случае не должен узнать об этом. Для любого человека самая интересная тема для разговора – это он сам. Для твоего «друга» это особенно актуально, так он воспитан. Учил некоторым психологическим методикам, да. И еще простое детское, всем понятное слово «подыгрывать». Полное психологическое сопровождение в процессе работы, разумеется.

Как происходило «внедрение»?

Родители клиента заполняли длиннейшую анкету, в которой описывали все малейшие пристрастия, непристрастия, особенности и болевые точки своего ребенка (иногда психокоррекция семейных отношений начиналась прямо с этого места). Ребенок-компаньон и руководитель внимательно эту анкету обсуждали и решали, с чего начать. Дальше возможного «друга» представляли ребенку-клиенту, как правило, в процессе какого-то действия, например: «Мы едем на пикник, с нами поедет сын моей школьной подруги, она сама заболела, а он твоего возраста». На пикнике подготовленный ребенок работает, вовсю стараясь понравиться «хозяевам». Если все получилось, то на вопрос: возьмем в следующий раз Васю на дачу? – следует активное согласие: да, да, конечно, возьмем, он классный, он любит то же, что и я, и всегда меня слушает!

Если «дружба» сложилась, то дальнейшие шаги могли быть самыми разнообразными. Периодические встречи. Совместные поездки на каникулы. Совместные занятия в секциях, кружках, с репетиторами (понятно, что для ребенка-компаньона все это оплачивалось «хозяевами»). Помощь в учебе. Были даже переводы «друзей» в ту престижную школу, где учился ребенок «хозяев».

Могла ли такая «дружба» стать настоящей? Да, разумеется, и становилась неоднократно. Единственное условие «от фирмы» – никогда не раскрывать перед другом начальных этапов их общения.

Более того, за годы функционирования проекта случилось несколько свадеб. Кто и что там знает – мне неизвестно.

Бывали ли неудачи? Разумеется. Не сошлись. Не сумел понравиться. Отказался работать. Несколько раз обиженный или униженный «клиентом» ребенок просто орал ему в лицо: я с тобой вообще только за деньги! Сотрудничество тут же прекращалось, наученный психологом отец подтверждал сыну: он больше не придет. Да, я обещал ему купить телефон, у тебя есть, у него нет, это неловко. Возможно, это моя ошибка. Но и ты тут тоже не прав, давай разберемся в чем.

В дальнейшем заранее оговаривали неустойку с обеих сторон, если будут перейдены какие-то границы с той или другой стороны. Но по мере совершенствования методик и набора опыта детьми осечек было всё меньше.

Большую часть денег забирали себе руководители (психологическое сопровождение, помним!), детям и их семьям доставались в основном подарки и многочисленные бонусы. Первые подготовленные компаньоны были просто нарасхват, и дело стало расширяться. Появились еще дети, психологи, педагоги. Понятно, что никто, нигде и никогда не давал никакой рекламы, слухи распространялись сами, но всегда можно было все отрицать: психологическая консультация семьям, не более того. Дети разного достатка пытаются дружить, родители им помогают – это же естественно, не так ли?

Головной центр находится, естественно, в Москве, где крутятся основные деньги. В Питере – филиал, возникший после расширения. Вроде уже есть и еще где-то.

Психокоррекция? Безусловно. В Питере есть четырнадцатилетний мальчик, у которого имеется своя методика «оттаскивания» клиента от компьютера. Он сначала стремительно и полностью присоединяется, а потом однажды говорит: ты такой классный, мне так хотелось с тобой дружить, что я пошел «под тебя», но вообще-то я больше люблю не компьютеры, а горные лыжи (испанский язык, физические опыты – в зависимости от клиента мальчик предоставляет родителям варианты). Так что давай хотя бы иногда...

На этого мальчика, говорят, очередь стоит.

Другая история. Маленькая девочка вообще с чужими не общалась, в садике билась в истерику, в поликлинику не отвести, гувернанток в комнату не впускала или за волосы таскала – аутизм или что? Ей предложили побыть «королевой» и наняли четырех маленьких «фрейлин». Почитали книжки, показали картинки про королей и их окружение. Всем пошили платьица; сначала они просто молча сидели с куклами, потом она должна была им говорить, что делать, потом – руководить «двором», они давали приемы, ставили спектакли, ездили в сады, в парки, катались на лодочке под зонтиками, все ими, конечно, восхищались, думали, фильм снимают. Через два года – нормальный ребенок, пошла в обычную школу, одна «фрейлина» так при ней подружкой и осталась.

Но. Но... Но!

Что вы думаете обо всем этом, уважаемые читатели?

И напоследок загадка: почему проект называется «Гэмфри»? Я сама догадалась почти сразу. Гуглить бесполезно, но практически все читатели старше сорока ответ знают. Надо только вспомнить и сообразить.

История любви

Это случилось давно. В эпоху уходящих ЭВМ, когда о мобильных телефонах никто даже не слышал, а привычные сегодня компьютеры в нашей стране только-только начинались. Я очень хорошо помню первый полуавтоматический анализатор изображений у нас в биологической университетской лаборатории – по сути, он был именно компом, но я тогда это не очень понимала, так как к нему прилагался специальный инженер, который выдавал нам распечатки с анализом статистики. Забавно, что спустя много лет, когда я уже всю работала психологом и безуспешно пыталась позабыть о своем научном прошлом, этот давно пропавший из моей жизни инженер внезапно окликнул меня через какую-то из только что появившихся социальных сетей откуда-то из Калифорнии. Это был чистый «ритуал местного крика у серых гусей» по Конраду Лоренцу: Я тут! А ты здесь? И я здесь! Ты как? Я хорошо! И я хорошо!

Больше я никогда и ничего о нем не слышала...

* * *

Это, конечно, была история любви.

Он был черноволос, голубоглаз, широкоплеч, занимался альпинизмом и только что закончил факультет ПМ-ПУ (прикладной математики – процессов управления) Ленинградского университета. Они встретились и познакомились случайно, но в него нельзя было не влюбиться. Она и влюбилась, конечно. Она была ленинградка, а он – приезжий из какого-то маленького городка. Там у него остались мать и младший брат. Но ему, как одному из лучших студентов, дали хорошее распределение в Ленинграде. Он снимал комнату на Васильевском острове. Там они и встречались. Еще целовались в кино, ходили по набережным, взявшись за руки, и ели мороженое, сидя на парапетах. Она еще не закончила институт. Они хотели пожениться прямо сейчас, но ее семья была против, потому что они не верили в искренность его чувств: этому красавчику-супермену от тебя нужны только ленинградская прописка и потом площадь при разводе, неужели ты этого не видишь?! Не видишь, потому что совсем голову потеряла. Выйти замуж мы тебе запретить, конечно, не можем, но в нашей квартире его не пропишем и видеть живущим здесь не хотим, так и знай и ему скажи!

Семья была важной частью ее мира. Он сказал: не будем ни с кем ссориться, мы еще молоды, подождем, они увидят и поверят. Она сказала: пусть будет так, – хотя каждый час, проведенный без него, казался ей пустым и никчемным. И он снился ей каждую ночь.

Они предохранялись неловко и неумело. И однажды она забеременела. И, конечно, ему первому сказала об этом. Они шли по мосту, он рассмеялся, подхватил ее на руки и, смеясь, побежал вниз, все быстрее и быстрее. Прохожие расступались, солнце, небо и вода мелькали перед ее взором, ей было страшно и сладко.

Он вырос в провинции и поэтому сказал: вот теперь точно будем жениться! Она была обычной девушкой и поэтому спросила: и будут свадьба, и белое платье, и кольца, и все как положено? Он увидел, что это важно для нее, и сказал: конечно, все самое лучшее.

Это была история разлуки.

Потому что однажды, очень скоро, он просто исчез. Исчез без всякого объяснения, прощания. Просто не пришел, не позвонил, не написал. Она с каменным лицом обзвонила морги. Потом позвонила трем его друзьям, телефоны которых были ей известны. Они несли какую-то невразумительную чушь: кажется, уехал, мы сами не знаем, ну, знаешь, мало ли

как бывает... Сходила на Васильевский остров. Хозяйка сказала: пришел от него молодой человек, отдал деньги, забрал вещи, я и сама чего-то тревожусь... такой красавчик был...

Ее родители сдержанно торжествовали: вот видишь, мы же тебе сразу говорили! Понял, что здесь обломилось, и ушел искать другую дуру!

Она отстраненно сообщила им о своей беременности. Они сначала закудахтали, но потом быстро взяли себя в руки. Что ж, если сроки для аборта уже на исходе, ничего страшного: родим, воспитаем, генетический материал у пройдохи, судя по всему, вполне приличный.

Родился сын, назвали Иваном. Сходство с отцом с самого начала было поразительным – она зубы стискивала, когда смотрела, и долго не могла привыкнуть.

Потом привыкла, конечно. Закончила институт с потерей всего одного года, пошла работать. Не жила букой: друзья, искусство, путешествия. Но на личном фронте долго-долго ничего не было – просто не чувствовала ни потребности, ни необходимости. Феномен выжженной земли, так она сама это назвала.

Но семья намекала, нажимала, и однажды познакомили ее с «умным, хорошим человеком из приличной семьи». «Хороший человек» выглядел очень зажатым, имел неотчетливый логопедический дефект, был кандидатом каких-то наук и маменькиным сынком (его мать была приятельницей ее матери). Но неожиданно нашел общий язык с подрастающим Иваном – они оба увлекались компьютерами.

Она решила: так тому и быть. Семьи обрадовались и «построили» молодым двухкомнатную квартиру. Стали жить.

Родилась дочка. Он хотел назвать ее Любой, Любовью. Она сказала: как угодно, но не так. Назвали Людмилой.

Об отце Ивана в семье не упоминали. Мальчик звал папой отчима. Но муж все-таки знал ее историю, конечно, в самых общих чертах – ей показалось, что так будет честно и правильно.

Муж с пасынком жили в компьютерах, следили за всеми новинками. Иван с седьмого класса, с благословления отчима, пошел серьезно учиться программированию. Она компьютерами почти не пользовалась.

Это была история печали.

Однажды самым обычным вечером (Ивану в это время исполнилось пятнадцать) муж позвал ее к экрану.

– Посмотри-ка! – воскликнул он. – Кажется, я нашел биологического отца Ивана! И имя совпадает, и сходство поразительное!

Она подошла на ватных ногах, увидела... и почувствовала, что сейчас потеряет сознание.

Муж вскочил, опрокинув стул, помог ей лечь, принес чай и валерьянку, оставил в покое.

Она два часа лежала, отвернувшись к стене, вспоминала. Потом пошла к мужу:

– Извини меня!

– Тебе не за что извиняться! – Он взмахнул рукой и серьезно добавил: – Но, по-моему, ты должна знать.

– Знать о чем? – она стояла, обхватив себя руками и закусив трясущуюся нижнюю губу.

– Он не бросал тебя. То есть бросил, конечно, но у него были на то серьезные причины.

Я тут пошарился в интернете...

– И что?.. – она сама не слышала своего голоса.

– Он работал промышленным альпинистом?

– Да, – кивнула она. – Подрабатывал.

– Эта статья, в которой я нашел его портрет... Она хвalebная, про мужество, про не сдаваться и все такое. Он упал с какого-то здания и остался парализованным. Восстановился

частично, в смысле, коляска. После больницы уехал в родной город, там сначала хандрил, а потом повесил у себя плакат «Если не знаешь, что делать, – делай шаг вперед!», собрал всех умственно сохранных инвалидов города и окрестностей и организовал из них что-то вроде артели по сбору компьютеров из комплектующих, которые они где-то на Западе (или в Японии?) покупали. Когда стало можно и в тему, начал грубо и сильно спекулировать их инвалидностью. Им многие помогали, сейчас они там создали что-то вроде такого технологического городка, где все под их потребности приспособлено, но и они сами много что могут – единственные в регионе. Он пишет программы...

Дальше она уже не слушала. Испытывала печаль и облегчение одновременно. Пазл наконец сложился. Он зарабатывал деньги на свадьбу, на самое лучшее – для нее. Но все сложилось иначе.

Она позвонила по трем телефонам из старой записной книжки. И – о чудо! – один из них ответил.

– Я все знаю, – сказала она.

– Да, – сказали на том конце телефонной линии. – Он тогда сказал: сейчас кто-то из нас по-любому должен будет сделать выбор, принять решение. Она – беременная, с яростным неодобрением семьи и потенциальным нахлебником мужем, беспомощным инвалидом. Или я – мужчина. Я выбираю второй вариант и не хочу, чтобы она почувствовала себя в чем-то виноватой... Ты уверена? Тогда записывай, как добраться.

Она взяла с собой Ивана. Иван был против с самого начала и до самого конца. Держался ежом, портил им всю возвышенную патетику.

Она любила его и сейчас, с этим ничего нельзя было сделать. Он смеялся памятным ей смехом и говорил: у меня все в порядке, я так рад тебя видеть и так рад за тебя, спасибо тебе за сына, покажи мне фотографию дочки...

– Ты что, с ума сошла?! – орал Иван, энергично поддержанный прародителями. – Мой отец – вот он, сидит в соседней комнате (кандидат наук полностью устранился от разразившейся бури страстей). И там – моя сестра, твоя дочь. И тут всё: твоя работа, друзья, тут я буду поступать в институт!

Она не скрывала от него своих чувств, и если бы он хотя бы намекнул... Она бы наплевала на всех и на всё, но он... он так ее и не позвал. И она осталась жить своей налаженной жизнью.

Это была история ужаса.

Потому что через несколько месяцев исчез Иван. А перед этим продемонстрировал всю палитру подросткового кризиса. В милиции сказали: ну, следить же надо за детьми, воспитывать их, чего же...

Что она пережила – я думаю, не надо даже описывать.

Но Иван вернулся. И ничего не стал объяснять. И почти перестал общаться. И исчез опять. И опять вернулся. Она полностью поседела за полгода.

– Что мне делать?! – спросила она, сидя у меня в кабинете. – Я сама все разрушила, да? Я не должна была ехать? Не должна была показывать ему сына? Должна была ради них сделать вид, что мне все равно?

– Вы все это уже сделали. Что толку обсуждать?

– Да, действительно. Но что мне делать теперь?

– Ничего. Просто жить, работать, вести дом, заботиться обо всех домашних, не забывать встречаться с друзьями и развлекаться.

– Вы шутите?

– Нет, я абсолютно серьезна. Просто я почти уверена, что сейчас там у вас не происходит ничего по-настоящему страшного. Там идет процесс.

– Како-ой?!

– Я точно не знаю, конечно. Но в сегодняшнем мире вы оказались почти в уникальной, если судить по СМИ и кухонным сплетням, ситуации: всю жизнь вас окружают мужчины. В хрестоматийном смысле этого слова. Берущие ответственность и принимающие решения.

– Да на фиг мне это надо! – гневно завопила она, и слезы брызнули из ее глаз, как у клоуна в цирке.

– Расскажите об этом на каком-нибудь женском форуме, где жалуются на отсутствие «настоящих мужчин». Думаю, ваши откровения смогут кого-то переориентировать, – усмехнулась я и увидела, что добилась своей цели.

Она больше не печалилась и не пребывала в отчаянии. Она злилась.

– Я с этим разберусь, – пообещала она.

– Не советую, – возразила я. – Просто внимательно наблюдайте. И, конечно, дайте мне знать.

* * *

И это была история надежды.

Иван легко поступил на математический факультет. Отец и отчим блестяще его подготовили.

– Я все-таки обязан ему самим своим существованием, – сказал двадцатилетний Иван мне. – Кто ж виноват, что все так случилось. Когда я поехал познакомиться и поговорить с ним без материнских вздохов и всхлипов, я его, в общем-то, понял. Когда-то он принял решение не осложнять нам жизнь, и, мне кажется, оно было правильным, потому что там он справился без всяких тылов и победил, а здесь бабка с дедом и мать жалость просто медленно сжили бы его со свету. Но теперь я сам могу принимать решения. Я сразу увидел, что он давно перерос эту свою доморощенную артель и она вполне может жить без него. Поэтому я всё подготовил и перевез его сюда. Он Питер обожает. Я катал его по набережным, он молчал, но я видел, что у него костяшки белые и он кусает губы, чтобы не плакать. Работать сейчас откуда угодно можно, это не проблема. Отец (в смысле отчим) ему только чуть-чуть помог, а так он отличный спец, может на всех языках писать. Но это еще не все... я сам-то хотел дома остаться, я Питер тоже до мурашек люблю, но теперь думаю в США попробовать – там все-таки условия для инвалидов лучше, и как вы думаете: ведь реабилитация – она же ни в каком возрасте не поздно, да? Все же развивается, а он готов работать как зверь, и мы с ним думаем: может, он когда-нибудь еще и встанет, а?

– Вполне может быть! – искренне воскликнула я и подумала: от них, конечно, много проблем, но все-таки мне нравится, что настоящие мужчины все еще существуют на свете.

Эта наша встреча с Иваном была последней, но я совсем не удивлюсь, если однажды он окликнет меня откуда-нибудь из Калифорнии и расскажет, как они вместе с одним из его отцов все-таки преодолели судьбу, и тот встал на ноги и сделал еще один шаг вперед.

Беглец

Это было давно, на излете перестройки. Основное психологическое образование и специализация по медицинской психологии у меня уже, конечно, были. Но мое собственное понимание устройства личности, а также болезни-здоровья-психосоматики-проблем психологических и психиатрических и их взаимосвязи еще не сложилось. (Если кто не знает, сообщаю: на сегодняшний день общепринятой всеми практикующими психологами концепции устройства личности не существует, большинство либо пользуется одной из более-менее равноправно наличествующих, либо строит некую эклектику для личного повседневного употребления. Самые уверенные в себе придумывают свою собственную концепцию и предлагают ее «городу и миру».)

Мама с высоким худощавым подростком пришли поздно вечером, на последний час приема, когда в поликлинике уже почти никого не было и, хотя свет, конечно, горел, коридоры казались темными и пустынными.

– Ты сам будешь рассказывать? – спросила мать, тревожно взглядывая на сына. – Может быть, мне вообще выйти? Тебе так легче будет?

– Подождите выходить, – попросила я (на самом деле я просто слегка побаивалась оставаться один на один с сумрачного вида подростком: вдруг это мать его сюда притащила и он вообще разговаривать не станет. Что мне тогда делать?). – Сначала расскажите свое видение ситуации, а потом Сережа расскажет свое. У меня будет по крайней мере две разных точки зрения. Потом я добавлю свою, и, понимаете, триангуляция – возникнет хоть какая-то возможность выстроить объемную версию происходящего.

Женщина уважительно закивала.

– Да, да, триангуляция, конечно! Понимаете, Сергей всегда, с самого начала был таким спокойным, тихим. Не капризничал. Не хулиганил, не дрался. Очень любил открытки старые рассматривать. Посадишь его, он и сидит...

– Беременность, роды? – быстро спросила я.

Когда у нас имеется младенец типа «посадишь, и сидит» – это всегда повод насторожиться в плане неврологии. Но никто обычно в это время не настораживается, все, наоборот, радуются: удобно. Таскают по врачам тех, которые постоянно вопят и крутятся.

– Тяжелые были роды, – признала женщина. – И стимуляцию мне делали, и тащили его. Как-то он не так шел. В какой-то момент, я даже помню, акушерка второму врачу говорит так панически: что будем делать?! Мы же так ребенка потеряем! У него на головке прямо вот как отпечаток пальца был. Синий такой. Потом прошло. И кушал он сразу хорошо. И спал.

– Понятно, – сказала я. – Рассказывайте дальше.

– Мы все всегда делали, что врачи прописывали. И массажистка к нам на дом приходила, и на море ездили. Да с ним, говорю же, и не было никаких проблем. В садике его очень любили, он никогда не шалил, воспитательнице помогал и с девочками дружил. Отец тогда уже сердился даже.

– На что же он сердился?

– Ну, говорил, что мы с бабушкой маменькиного сынка растим, а не мужчину, что он сдачи дать не может и ни разу не попросил ему пистолет или саблю купить. Он и вправду в такое не играл никогда. Только в конструкторы, в животных, в маленькие всякие игрушки, мозаики любил собирать, лото, ну и вот открытки еще...

– А с другими детьми?

– В садике все нормально было. Воспитатели его любили, так и дети не обижали. А вот с первой учительницей Сереже не повезло...

– Каким образом?

– Он не успевал сначала за всеми. Не то что не понимал – просто медленнее других делал.

– Я не понимал, – возразил Сережа. – Я помню. Я на уроке не понимал. Не знал, что писать, и переставал вообще.

– Ну вот. Она, кажется, хотела, чтобы мы ей деньги платили, чтобы она с ним занималась, а мы взяли домой другого репетитора. Он подтянулся, но она уже как-то так к нему относилась... И дети вслед за ней, они же, маленькие, на учительницу очень ориентируются... В общем, там такие отношения сложились...

– Меня дразнили дебилем и били, – спокойно констатировал Сережа. – А я не мог ничего сделать – их пятеро было.

– Отец тогда несколько раз ходил разбираться, и все, в общем-то, утихло. Но школу он не любил и учился так себе. После начальной школы мы его оттуда забрали и устроили в гимназию.

– Зачем?! Мальчишка с трудом усваивал обычную программу!

– Отец так решил. Нужно хорошее образование.

– Он сказал так: большие расстояния преодолеваются постепенно, шаг за шагом, – снова вступил в разговор Сережа. – Ты будешь все время ставить себе маленькую цель и ее достигать. Потом следующую. И постепенно у тебя все получится. Как и у меня. Ты же мой сын.

– Кто твой отец?

– Бизнесмен. У него три завода и две автоколонны.

– Он из Стерлитамака в Ленинград приехал, – уточнила мать. – В одних штанах и с двадцатью пятью рублями.

Дальше, в общем-то, можно было не рассказывать. Но что происходит сейчас?

– Он с этого года стал другой: нервный весь, дерганный, может заплакать – в шестнадцать-то лет! (А он и в младенчестве не плакал почти.) Может сидеть, уставившись в стенку, – час, другой. И это когда уроки не сделаны. С друзьями (у него их двое) почти перестал встречаться. И самое страшное, почему я к вам и прибежала, – стал ложиться в кровать со светом и еще громкую музыку включать. Я спрашиваю: что за новости? А он: иначе мне не заснуть, так я «их» хоть как-то заглушаю... Вот тут я и...

– Окей, – сказала я. – А вот теперь посидите в коридоре.

* * *

Оставшись один, Сережа довольно внятно изложил мне симптомы: слуховые галлюцинации (хор, иногда невнятно спорящие голоса, симфонический оркестр), кошмары, которые как-то не сразу исчезают после пробуждения, апатия, нежелание ничего делать и никого видеть.

Продуктивные и негативные признаки юношеской шизофрении одновременно, через запятую. Всё совпадает? Что-то мне мешало поставить точку.

– Ты сейчас в десятом классе. Как тебе учиться в гимназии? Что дальше?

– Я делаю уроки часов по шесть, и у меня два репетитора. Дальше? У меня нет никаких увлечений. Поэтому папа уже выбрал мне институт и факультет. Говорит, хорошие и не самые сложные. Но если я заманусь на Политех или ПМ-ПУ, он будет только рад, так он говорит.

– Ты единственный сын?

– Да. К сожалению. Мама после меня не могла больше родить.

– А все-таки: чего хотел бы ты сам? Ты же не мог не думать.

– Вы будете смеяться.

– Не буду.

– Я хотел бы быть воспитателем детского сада. Лепить с ними, мастерить, клеить, рисовать открытки родителям – к Восьмому марта и Двадцать третьему февраля.

Я почувствовала, как у меня защемило в носу, и слегка отвернулась, чтобы он не заметил. Бедняга! Детский садик – единственное счастливое время в его жизни, он хотел бы туда вернуться и делать счастливыми других. И у него получилось бы!

– Ну вот, вы смеетесь!

– Ничего подобного!

– Еще я люблю готовить, мне нравится торты делать и салаты придумывать и оформлять – красивые и вкусные, все говорят.

– Иди в кулинарный техникум!

– Вы смеетесь?!

– Увы, нет. Я практически плачу.

– Смеетесь...

* * *

– Я не вижу, не чувствую психиатрии как процесса, – сказала я матери. – Скорее, это вынужденное: он, его мозг готовится к бегству. Ему бесконечно тяжело учиться в гимназии. Он с ужасом и отвращением думает об уготованной ему отцом дальнейшей жизни. Все что угодно лучше этого – так ему сейчас кажется. Он не может обматерить вас, хлопнуть дверью, сбежать в одних штанах, у него нет для этого ресурсов, да и бежать ему, в общем-то, некуда и незачем. Он другой, но для него тоже есть место в этом мире. Вы можете объяснить это вашему мужу?

– Я пыталась, но он меня не слышит. У него один сын, наследник, он не хочет ничего знать, для него жизнь – это преодоление трудностей...

– Привести мужа?

– Нет, он не пойдет, он говорит, что вся эта психология – для слюнтяев и бездельников.

– Вы же мать! Вы видите, что происходит с Сережей. Попробуйте настоять: пусть муж ни к кому не идет и просто его отпустит. Пусть парень идет в кулинарный техникум или педагогическое училище. Это как раз соответствует его способностям и желаниям. Там он будет счастлив. А если поверх перинатальной энцефалопатии в нем вдруг проснутся-таки честолубивые отцовские гены (это, кстати, возможно, так как процесс восстановления в пятнадцать лет не закончен) и стремления, так ведь никогда не поздно. А сейчас вы его просто столкнете в яму...

– Я попробую, но практически не надеюсь...

* * *

Прошло довольно много лет. Немолодая женщина поздоровалась со мной на осенней аллее недалеко от поликлиники. Я вежливо-равнодушно ответила, собираясь идти дальше. А женщина вдруг заплакала. Я, конечно, оторопела и остановилась.

– Вы не помните, – констатировала она. – У вас так много посетителей.

– Попробуйте напомнить.

Она постаралась. Я вспомнила.

– Что Сережа теперь?

– У него диагноз и таблетки. Два раза в год – госпитализация. Он поправился на тридцать пять кило. Сидит и смотрит телевизор. И еще раскладывает открытки. Мы ему их покупаем.

– А отец?

– Отец говорит: что ж, болезнь – это со всяким может случиться. Да он всегда на работе, они и не видятся почти. А я каждый день помню, что мы могли, он мог... Вы знаете, это ужасно, но я почти ненавижу собственного мужа. Но больше, конечно, себя...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.